

М. А. ЯКОВЛЕВ

Сравнительный метод в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма¹

I

Единство научного метода и классовой идеологии, как известно, устанавливается и утверждается марксизмом-ленинизмом; это аксиома, из которой необходимо и неизбежно следует исходить при оценке различных методов, имевших место в практике науки. Еще Гегель писал в «Науке логики» (ч. II), что «нечто понято и познано в своей истине лишь постольку, поскольку оно совершенно подчинено методу». Но для Гегеля метод был лишь формой развития идеи или понятия. Для материалиста-диалектика понятие есть отражение объективной действительности, а отсюда, следовательно, и метод есть отражение единства содержания, изменения и развития объективной действительности.

Ленин в своей работе «Что такое друзья народа» утверждает наличие только двух методов, диалектического и метафизического. «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — пишет Ленин в указанной работе — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» (Соч., т. I, стр. 82, изд. 3-е). В качестве широкой иллюстрации соотношений между диалектическим и метафизическим методами Ленин устанавливается на субъективно-социологическом методе Михайловского.

¹ Статьи М. А. Яковлева и акад. В. Н. Перетца о сравнительном методе в литературоведении даны в порядке обсуждения. *Ред.*

Вообще же сущность метафизического метода, как идеалистической системы мышления, заключается в анализе «явлений природы в их обособленности, вне их общей связи, не в их движении, но в покое, не как по существу изменяющихся, но как неизменных, не в процессе их жизни, но в состоянии их смерти» (Энгельс).

Заклучим наши краткие суждения о методе замечанием Ленина, что самой важной особенностью диалектики является ее основной закон тождества или единства противоположностей: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его — пишет Ленин... есть суть (одна из „сущностей“, одна из основных, если не основная, особенностей, или черт) диалектики» (Ленинский сборник, XII, стр. 223).

Из приведенного марксистско-ленинского определения метода необходимо исходить при критическом рассмотрении сравнительного метода в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма.

Разрешив таким образом проблему метода, необходимо разрешить и другую проблему, а именно проблему задач, стоящих перед наукой. При разрешении этой проблемы выдвинем в качестве служебной аксиомы следующее положение: чистой науки нет и никогда не было, так как наука всегда была на службе у того или иного общественного класса. История каждой науки может конкретно насытить содержанием приведенную аксиому.

Развитие науки также не подвергается действию стихий; это развитие совершается закономерно в зависимости от тех задач, которые ставит перед наукой чаще всего ведущий класс.

На вопрос о задачах, стоящих перед наукой и особенно идеологической, находим ясный и простой ответ у Ленина: «прямая задача науки, по Марксу, — пишет Ленин, — это дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь *понять* необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития. „Лозунг борьбы“ нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения» (Соч., т. I, стр. 218—219, 3-е изд., курсив В. И. Ленина).

Таким образом основная задача науки — классовая борьба за уничтожение эксплуатации и угнетения. Такая формулировка задачи науки отвечает определению истории как науки Марксом, который в «Ком-

мунистическом Манифесте» пишет: «история всего предшествующего общества, — говоря точно, — та история, о которой существуют письменные свидетельства, — есть история борьбы классов».¹ Заметим, что в «Немецкой идеологии» Маркс писал, что мы знаем только одну единственную науку, а именно историю, подразделяющуюся на историю природы и историю людей.

Но история людей, это история общества и борьбы классов его составляющих, поэтому не лишним будет привести следующие слова Маркса об обществе: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Выбирают ли люди свободно ту или иную общественную форму? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и у вас будет определенная форма обмена и погребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенные политические отношения, которые являются официальным выражением гражданского общества» (письмо Маркса П. В. Анненкову. 28 XII 1846 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Перев., ред. и прим. В. В. Адоратского, изд. 4, М.—Л., 1932, стр. 12; в дальнейшем цитируется сокращенно: Письма, с указ. страниц).

Весьма существенными являются определения исторического процесса у Энгельса: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счеде является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали... Мы делаем свою историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счеде решающими... Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств... Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил,

¹ Коммунистический Манифест, изд. 6-е, ГИЗ, М.—Л. 1930, стр. 50 Следует заметить, однако, что слова от «говоря точно» до «свидетельства» прибавлены Энгельсом в последнем издании Манифеста.

и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие... Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена в сущности тем же самым законам движения» (письмо Энгельса Иосифу Блоху. 21 IX 1890 г.; Письма, стр. 374).

Именно такое материалистическое понимание истории должно иметь место и в истории литературы, и в отдельных моментах последней, всегда лежащих в звеньях детерминированного предыдущего и последующего в цепи целого исторического процесса. Это имеет прямое отношение и к проблеме влияний, которую мы собираемся поставить и посылно разрешить в данном методологическом этюде.

После этих замечаний Маркса и Энгельса об историческом процессе становится ясным, что высказывание Ленина о задачах науки имеет непосредственное отношение к истории людей, а следовательно и к истории литературы в частности.

Наметив фрагментарно марксистско-ленинское разрешение проблем научного метода и задач науки, мы имеем ориентировочные позиции для критики сравнительного метода, как отражения буржуазной идеологии в науке о русской литературе, преимущественно, эпохи феодализма.

II

Но прежде, чем переходить к вопросу о сравнительном методе в практике науки о русской литературе эпохи феодализма, задержимся эпизодически на наиболее типичных высказываниях о сравнительном методе, принадлежащих, главным образом, выдающимся его adeptам и представителям методологической мысли о литературной науке. Еще Тихонравов писал: «Критическое изучение памятников древнерусской литературы в связи и сравнительно с византийской словесностью может на будущее время предохранить наших исследователей от преждевременных выводов относительно значения и степени самостоятельности многих литературных памятников древней России. Такое изучение оказывается иногда необходимым и для чисто русских самостоятельных литературных памятников нашей старины, вскрывая в них предания и верования, заимствованные из Византии, и приводя их в связь с однородными памятниками византийской и средневековой европейской литературы» («Задачи истории литературы»). Задачи литературоведной науки намечены в этом методологическом высказывании Тихонравова с достаточной ясностью: сравнительный метод изучения литературных памятников, по его мнению, дает возможность определить

с наибольшей научной достоверностью значение и степень самостоятельности литературных памятников, с другой стороны он устанавливает некоторые предания и верования, как влияние Византии.

В чем заключается содержание искомого значения изучаемых литературных памятников, для какой подлинно научной цели необходимо определить степень творческой самостоятельности авторов изучаемых литературных памятников, почему предания и верования Византии оставили след в памятниках древне-русской литературы, — на эти важные для марксистско-ленинского литературоведения вопросы ответов у Тихонравова не найдем:

Несколько дальше, в той же работе, Тихонравов категорически утверждает: «История русской литературы XVIII в. и частью текущего столетия требует сравнительного изучения ее в связи с явлениями тех европейских литератур, которые оказали сильное влияние на нашу... для объяснения важнейших явлений русской литературы XVIII в. они нуждаются в прямом сравнительном изучении с литературными произведениями западных литератур» (разрядка наша). Это тавтологическое высказывание имеет значение методологического акцента в научных воззрениях акад. Тихонравова.

Влияние было реальной и основной предпосылкой для адептов сравнительного метода и даже такие представители историко-культурной школы, как Пыпин, писали: «В древней литературе нашей византийское влияние было господствующим фактом, наложившим свою печать на все ее произведения, хотя в различной степени... Литература польская не могла действовать на русскую всем объемом своего содержания... Действие ее ограничивалось частными случаями и отдельными родами произведения...»

Галахов, следуя за Пыпиным, расширяет исторические границы влияний на русскую литературу эпохи феодализма: «Как литература народа, — пишет он, — позднее других народов выступившего на историческую деятельность, русская словесность с самого начала своего подвергалась и теперь подвергается иноземным влияниям. В древнем периоде таких влияний было два: византийское и польское, к которым присоединяются болгарское и сербское» («Ист. русск. слов. др. и нов.»). В этом высказывании Галахова диапазон исторических влияний на русскую литературу эпохи феодализма расширен, а поэтому и поле деятельности для сравнительного метода предоставляется весьма большое. Архангельский в своей книге «Введение в историю русской литературы», по существу, констатирует лишь итоги исследований представителей сравнительного метода. Географические границы исторических влияний на русскую литера-

туру необычайно расширилось: Восток, Византия, Европейский Запад, классические Греция и Рим втянуты в орбиту влияний и заимствований. В памятниках художественной литературы усматриваются интернациональные моменты, как конгломерат влияний, передач и заимствований. Генезис памятников литературы, их истоки — являются одной из главнейших задач исследователей. Утверждается проблема, что только путем сравнительного метода история литературы, как наука, может подняться на вершины сравнительного изучения литератур всего человечества. Увлечение сравнительным методом, как видно из всего предыдущего, достигло своего апогея.

Акад. В. Н. Перетц в своей книге «Из лекций по методологии истории русской литературы» также, по существу, резюмирует теорию сравнительного метода: «Сравнительно-исторический метод., — пишет он, — отличается наибольшей объективностью и имеет целью выяснение происхождения памятников литературы и процесса их сложения путем сравнения в целом и частях, при допущении возможности широких международных влияний... Иногда сравнительно-исторический метод, — пишет несколько дальше акад. Перетц, — переходит на почву этнографическую, т. е. старается разрешить двойную задачу, а именно: не только объяснить появление того или другого произведения заимствованием сюжета, но также и почему заимствован данный сюжет, а не иной. Для этого исследователь ищет основания в бытовых условиях». Изложив принципы сравнительного метода и приведя примеры его применения, акад. Перетц отмечает «подводные камни», угрожающие исследователю, приводит слова акад. Срезневского в пользу самостоятельного зарождения литературных форм и указывает, что злоупотребление сравнительным методом — признак отсутствия школы. В конце главы о сравнительном методе акад. Перетц высказывает весьма существенную мысль об интернациональности будущей литературы: «Можно думать, — пишет он, — что литература будущего станет международной, когда сотрутся узкие рамки национальностей».

Теоретические высказывания о сравнительном методе Пыпина, Галахова, Архангельского и Перетца немного прибавляют к тому, что высказал по этому вопросу Тихонравов, а именно: для всех указанных исследователей, как точно также и для Тихонравова, основная задача литературоведной науки — это установление генезиса литературных памятников.

Венцом теории и практики сравнительного метода являются работы акад. А. Н. Веселовского. Пока мы остановимся только на его наиболее

ярких теоретических высказываниях по вопросу о сравнительном методе. «В деле историко-литературных исследований, — говорит акад. Веселовский, — он (сравнительно-исторический метод) сменил методы эстетический, философский и, если угодно, исторический. Здесь мне хотелось бы указать на тот факт, что этот метод вовсе не новый, не предлагающий какого-либо особого принципа исследования: он есть только развитие исторического, тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах в видах достижения возможно полного обобщения».

Несколько дальше акад. Веселовский говорит об основных принципах приложения сравнительно-исторического метода: «Изучая ряды фактов, мы замечаем их последовательность, отношение между ними последующего и предыдущего; если это отношение повторяется, мы начинаем подозревать в нем известную законность, если оно повторяется часто, мы перестаем говорить о предыдущем и последующем, заменяя их выражением причины и следствия. Мы даже склонны пойти далее и охотно переносим это тесное понятие причинности на ближайшие из смежных фактов: они или вызвали причину, или являются отголоском следствия. Берем на поверку параллельный ряд сходных фактов: здесь отношение данного предыдущего и данного последующего может не повториться, или если представится, те смежные с ними члены будут различны, и, наоборот, окажется сходство на более отдаленных степенях родов. Сообразно с этим мы ограничиваем или расширяем наше понятие о причинности: каждый новый параллельный ряд может принести с собою новое изменение понятия; чем более таких проверочных повторений, тем более вероятно, что полученное обобщение подойдет к точности закона... Если... в истории литературы следует обратить особое внимание на поэзию, то сравнительный метод откроет ей в этой более тесной сфере совершенно новую задачу — проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливало всякое предыдущее развитие... одно из лучших средств выделить личную струю в творчестве того или другого художника, поэта, — это знакомство с материалом, над которым он трудился, с другими обработками сюжета, который он сделал своим. Только эти точки зрения и могут объяснить и извинить появление эпизодов об источниках не только Шекспира, но, например, Шиллера и Гете. К этому я присоединил бы еще одну задачу, входящую в район сравнительной истории литературы, — задачу не легкую, но полезную в методологическом отношении. В известные периоды литературного развития замечается пред-

расположение писателей и, очевидно, публики, не только к известным поэтическим родам, но и к известным сюжетам. Эти сюжеты либо творятся наново, иногда из обломков старых, или они уже были забыты, и снова выдвигаются в литературу, отвечая на общественный спрос» (Поэтика, т. I).

Приведенное теоретическое высказывание акад. А. Н. Веселовского о сравнительном методе многое уже прибавляет к тому, что сказали по этому вопросу Тихонравов, Пыпин, Галахов, Архангельский и Перетц. Выделим из данного высказывания А. Н. Веселовского эти отличные от предыдущих высказываний черты: 1) сравнительный метод представляет собой следующую фазу развития исторического метода, 2) повторность явления в параллельных рядах дает право на признание закономерности и именно исторической, 3) установление закономерности сходства явлений дает в свою очередь, право устанавливать причины и следствия сходства фактов. 4) понятие причинности расширяется в зависимости от наличия сходства на ближайших или на отдаленных степенях родов, 5) задачей литературоведной науки является установление переработки старых образов и сюжетов вследствие проникновения их новым содержанием, 6) в конкретные исторические моменты писателя и публики тяготеют к известным сюжетам; причем здесь происходит оглядка назад вследствие того, что эти сюжеты творятся заново или из кусков старого или целого — старого, но уже основательно забытого, соответствуя общественному спросу. Так широко раздвинул горизонты сравнительного метода А. Н. Веселовский.

Но и в его высказываниях есть весьма существенные недочеты: сходство фактов, понимаемое как влияние, довлеет в анализе над всеми сторонами исторического процесса; историческая закономерность выводится непосредственно из повторности сходств фактов или, короче, влияний; теоретически неясным остается и выведение причины и следствия из наблюдений над повторностью влияний.

Здесь следует отметить механическое и одностороннее понимание причины и следствия, так как отсутствует оговорка их взаимной обусловленности; вот что по этому вопросу говорит Энгельс: «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, это — взаимная связь отдельных движений, отдельных тел между собой, их обусловленность друг другом... Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к реальному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированным образом, а в таком случае изменяющиеся движения являются перед нами — одно как причина, другое как действие»

(Энгельс. «Диалектика природы». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 405, 407, 408).

Нельзя признать также достаточно оправданной литературоведческой проблемой лишь констатирование старых образов и сюжетов вследствие пронизания их новым содержанием без учета процесса классовой борьбы на конкретном историческом этапе. Тяготение масс, точнее — общественных классов, к уже известным сюжетам также не может иметь характера только узкого констатирования вследствие того, что это «тяготение» объясняется стремлением использовать классовую практику прошлого в целях идеологического вооружения для соответствующего воздействия на сознание других общественных классов. Общим и весьма существенным недостатком всех приведенных здесь высказываний о сравнительном методе является отсутствие детерминированности влияний и изоляция литературных явлений от диалектического процесса борьбы общественных классов.

Ограничимся этим небольшим экскурсом в сферу теоретических высказываний о сравнительном методе его представителей и теоретиков.

III

От теории сравнительного метода вполне последовательно будет обратиться к применению его в исследовательской практике, главным образом, в историко-литературных работах о русской литературе эпохи феодализма, где этот метод свил себе прочное гнездо. И здесь наше изложение будет эпизодически-иллюстративным вследствие обширности самого вопроса и отсутствия необходимости изложения его во всей полноте, так как для нашей цели важны, преимущественно, итоги исследований.

Выше приведены высказывания Тихонравова о сравнительном методе; если сопоставить их с его научно-исследовательской практикой, то возможно утверждать, что они значительно шире исследовательской практики их автора. Для иллюстрации остановимся на двух его небольших этюдах: «Шемякин суд» и «Повесть об Аполлоне Тирском», как в практическом плане наиболее характерных.

Методологическая композиция первого не сложна; в основе она имеет дискуссию об источниках «Шемякина суда» между Пыпиным и Тихонравовым; оба сходятся на основном источнике «Шемякина суда» — тибетской повести «Дзанглуна». Тихонравов утверждает это положение ссылкой на родоначальника сравнительного метода Бенфея, который первый указал на сходство русской повести о «Шемякином суде» с тибетским сказанием «Дзанглуна». Дальше наступает дискуссионный момент: в Толстовском

списке данной повести, относящемся к XVII в., имеется приписка: «выписано из польских книг». Пыпин отнесся к этой приписке отрицательно, Тихонравов — положительно; последний указывает соответствующие польские источники: первый — рассказ «О нечаянном случае» из популярной повести о плуте Совестдрале, переведенной с польского, второй — анекдот из польского сборника «Rozrywki ucieszne y dowcipne z przydatkiem wielu nowych zabawnych historyjek», третий — стихотворная переделка этого анекдота польским писателем XVI в. Николаем Реем, помещенная в его сборнике «Figliki». Если мы к этим источникам повести «Шемякин суд» прибавим беглые указания, претендующие на «историчность», как то, что эта сатирическая повесть «прошла через переделку русского человека и получила краски чисто народные», то в этом и будут заключаться весьма незначительные итоги исследования Тихонравова о данной повести. Дискуссия Тихонравова с Пыпиным продолжается и в следующем этюде «Повесть об Аполлоне Тирском». Пыпин, как и в первом случае, отрицает польское влияние, Тихонравов утверждает его. Исследовательский результат этого этюда еще беднее предыдущего: здесь указываются лишь источники данной повести без всякой, хотя бы даже бледной тени историзма в нашем понимании.

Крупнейшим представителем сравнительного метода был акад. А. Н. Веселовский; в 1870-е и 1880-е годы этот метод господствует в исследовательской практике А. Н. Веселовского, что дает право причислить его к позитивной школе Бенфея. Сравнительный метод получил необычайно яркое выражение в докторской диссертации А. Н. Веселовского «Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (1872 г.). Буслаев писал, что этот труд А. Н. Веселовского является самым лучшим опытом «из всех какие только на русском языке были — в приложении бенфеевской теории литературного заимствования к разработке русских источников рукописных и устных, в их связи с поэтическими преданиями Зап. Европы».

Нет никакой возможности, а вместе с тем и необходимости останавливаться подробно на методологическом анализе данной работы А. Н. Веселовского. Отметим лишь следующее: теория заимствований Бенфея здесь весьма углублена; в работе разрешена проблема древнего литературного общения Средиземноморья с Индией; выяснена огромная роль Византии в деле литературного посредничества между Востоком и Западом; в качестве распространителей в Европе христианизованных сказаний Востока указаны балканские еретики — богумилы.

Общий исследовательский итог этого классического труда в истории сравнительного метода приведем словами самого А. Н. Веселовского: «Основа этих неканонических повестей обличает происхождение с дальнего Востока: буддийского и иранского; но в Европу они проникли уже с именем Соломона, что указывает на посредство среды, оставившей на них это библейское имя. Таким образом, одна посредствующая форма перехода достаточно выяснилась. На этой первой ступени стоит талмудическая сага о Соломоне, перешедшая впоследствии и к мусульманам, и, может быть, другое своеобразное видоизменение той же саги, которое я гадательно отнес на счет дуалистических сект, проводивших в средневековое христианство религиозные воззрения и легенды арийского Востока. В той и другой редакции, Соломоновская легенда проникла в христианскую Европу, вместе с другими статьями такого же двоеверного характера, и заняла здесь место в ряду отреченных книг. Это — третья ступень перехода. У нас есть известие, что в конце V в. апокриф о Соломоне был знаком на Западе, и что против него тогда уже восставала римская церковь. К южным славянам он принесен был, без сомнения, из Византии. Другие западные свидетельства от X в. позволяют заключить, что уже в эту пору западная рецензия отличалась особым характером, например, собственных имен, который потом упрочился за ней и составил ее отличие от восточной, т. е. византийско-славянской. С X в. или, вернее, с XI в. мы наблюдаем новое явление: апокрифическая повесть переходит в народ и народнеет: она дает содержание повестям, романам и фавль и доходит до анекдота и прибаутки. Так было на Западе, но и в восточной группе происходит подобное брожение, хотя мы и не знаем, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повесть, русскую былину, на сербские и русские сказки. Это уже последний период развития, в котором мы довольно ясно продолжаем отличать две группы: западную — латинскую и византийскую — славянскую. Обе они развиваются своеобразно, иногда расходясь в своих результатах, причем преимущество вымысла и поэзии бесспорно принадлежит Западу; иной раз они смешиваются: западные повести о Соломоне, в своих народных переработках, проникли, может быть, в XVI и XVII вв. и в Россию, так что позднейшие русские сказания могли отразить на себе следы двух разновременных влияний; над старой византийской легендой в них надслоились западные рассказы, юмор которых заслонил серьезное содержание их далеского отреченного подлинника» (стр. III—VI).

Совершенно бесспорно, что с точки зрения теории заимствований, исследовательские итоги данной работы Веселовского по диапазону влияний

громадны и качественно высоки, но исторически указанные А. Н. Веселовским влияния, по существу, не обоснованы и по характеру своему гипотетичны. По этому вопросу Веселовский пишет: «нам стали известны ряды сказок, легенд и эпических мотивов, общих той и другой области и мы заключаем, что они — результат того же исторического общения. Когда и где оно совершилось — это и есть искомое, которое все еще необходимо определить...»

На вполне законный вопрос: разрешил ли Веселовский в своей диссертации выдвинутую им же проблему исторического общения, приходится ответить отрицательно, так как определение географических границ влияний без анализа классово-борьбы и определения в этом плане социальных функций анализируемых памятников не может быть признано, как разрешение проблемы исторического общения. Здесь же попутно заметим, что и у Веселовского его высказывания о сравнительном методе в части исторической значительно шире его исследовательской практики.

К адептам сравнительного метода должен быть причислен и акад. М. И. Сухомлинов (1828—1901), труды которого, как это справедливо отмечено и в академическом издании его сочинений, потеряли уже, за небольшими исключениями, свою научную ценность. В качестве иллюстраций сравнительного метода в исследовательской практике Сухомлинова остановимся бегло на его работе — «О древней русской летописи, как памятнике литературном». Наибольшей по объему и значимости частью этого исследования является 3-й раздел работы, озаглавленный: «Займствования в древней летописи». В миниатюрном предисловии к этой части работы о летописях Сухомлинов определяет задачи литературной науки, которые в этой части должны быть разрешены: «...мы находим, — пишет он, — более удобным предварительно обозреть главнейшие займствования и потом перейти к оригинальному рассказу летописи. Это обозрение тем уместнее, что оно может познакомить с характером образования наших летописцев, с кругом их начитанности и умением пользоваться ее плодами».

Задачи весьма скромные и, как принято в этих случаях говорить, по своему характеру «научно-объективные», хотя над всей работой в целом реет официальный клерикализм, как одна из основных черт идеологии ведущего класса эпохи (60-е годы). В качестве источников, послуживших к составлению летописи, называются Сухомлиновым следующие: 1) книги св. писания, 2) Палей, 3) Исповедание веры, сходное с находящимся у Михаила Синьелла, 4) жизнеописания св. Кирилла и Мефодия, 5) житие св. Владимира, 6) Сказание о Борисе и Глебе, 7) поучения Феодосия,

8) рассказ Василия, 9) Хроника Георгия Амартола, 10) сочинение Мефодия Патарского, 11) договоры русских князей с греками.

При анализе указанных источников Сухомлинов пользуется в качестве основного приема, механического и субъективного по существу, сравнением параллельных текстов, на основании результатов которого и делает все свои выводы о летописях. При сравнительном анализе «Исповедания веры» и летописи Сухомлинов аргументирует: ... «сравнение может до некоторой степени восстановить текст летописи, показывая, какое из чтений различных списков должно быть признано правильным». Социальное бытие, как видно из приведенного аргумента о значении сравнения, при анализе литературного памятника эпохи автором в расчет не принимается. Исторические достижения исследования кратко формулированы в заключительной части раздела: «таковы главнейшие источники, послужившие к составлению древней летописи. В выборе их ясно обнаруживаются век и образованность летописца, а в цепи заимствований — искусство его, как писателя... между источниками первое место занимают книги св. писания, главнейший и необходимый источник верований и убеждений всякого христианского общества и его органа — писателя» (разрядка наша). Нетрудно заметить, что «научная объективность» нарушена и сам ученый выступает идеологом официальной государственности, которая, в свою очередь, является отражением идеологии господствующих классов.

К представителям сравнительного метода примыкал и акад. Жданов; его магистерская диссертация: «К литературной истории русской былевой поэзии» (1881 г., отд. книга), представляет собой яркое явление среди работ, методологически подобных. Его приверженность к теории заимствования выражена вместе с задачами указанной работы в предисловии: «Теперь все более и более, — пишет Жданов, — накаплиется фактов, с очевидностью указывающих на то могущественное влияние, которое оказывает «книга» на «песню», памятники письменности на устную словесность. В своем небольшом труде я привожу несколько таких именно фактов литературного общения между книжным и не книжным людом. Проникает в народ библейско-апокрифное сказание о Самсоне-Святогоре. Сказание нравится, появляется былевая песня о могучем богатыре Самсоне-Святогоре. Другой пример еще более примечательный. С конца XV в. начинаются у нас более живые, более частые сношения с Западом. Стали появляться в русской письменности переводы с латинского, с немецкого. Так появляется, между прочим, перевод одного немецкого поучительного диалога. Проходит немного времени, и этот переводный диалог переделывается в народную

повесть, становится одним из самых популярных на Руси памятников. Мало этого. Переводный диалог оказывает влияние на один из памятников устной народной поэзии» (разрядка наша).

В этой декларативной части мы разрядкой отметили все то, что является «подводными камнями» сравнительного метода вообще. На самом деле, дал ли Жданов в данном исследовании ответы на вопросы историко-генетического порядка: чем объясняется влияние «книги» на «песню», почему проникает в массы и нравится апокрифное сказание о Самсоне-Святогоре, чем были вызваны в социальную жизнь переводы с латинского и немецкого, почему переделывается в повесть немецкий дидактический диалог и делается популярным литературным памятником эпохи и т. д.? Ответов на эти вопросы в диссертации Жданова мы не найдем.

Горизонты теории заимствований необычайно широко раздвинуты в другой работе Жданова, в его докторской диссертации: «Русский былевой эпос» (1895). Проблемы сравнительного метода применительно к исследовательской практике ставятся в предисловии к диссертации по сравнению с предшественниками оригинально: Жданова интересуют в составе былины слои историко-бытовые и собственно-литературные. Генезис былевого эпоса может быть объяснен только при предположении исторической основы. Ограничение в поэзии исторических событий не объясняет всех разновидностей былевой песни, так как влияние литературных течений имело возможность значительно отклонить движение эпоса от его первоначального направления, отсюда не тождественное отношение исторического предания к литературным наслоениям в эпосе. Нетрудно заметить, что здесь уже в самой постановке вопроса историзму придан абстрактный характер.

Впрочем Жданов мог быть и блестящим для своего времени историком; так в своей работе «Сочинения царя Ивана Васильевича» — в главах: «Идеал царской власти у Грозного» и «Царь Иван Грозный, как писатель» — исторические события анализируются с позиций классовой борьбы между вотчинниками и служилыми людьми, что было отмечено М. Н. Покровским, как положительный момент в данной работе Жданова. Наряду с этим глава — «Литературные влияния в сочинениях Иоанна Грозного» ничем методологически не отличается от работ подобного рода и находится в полной изоляции от только что указанных глав, богатых элементами историзма. Задача, которую ставит перед собой в этой главе исследователь, утверждает изоляцию данного раздела работы от других глав: «Задача эта, — пишет Жданов, — как уже было замечено, состоит в том, чтобы определить, под какими литературными влияниями воспитался талант Ивана, каков был

«круг его книжности, что он читал». Любопытно, что это почти дословное повторение части методологического предисловия Сухомлинова к его работе «О древней русской летописи, как памятнике литературном». Несмотря на наличие прогрессивных элементов в исследовательской практике Жданова, у нас нет никаких оснований говорить хотя бы о частичном преодолении им сравнительного метода.

Значительно упрощенным применением сравнительного метода в сфере исследований о русской литературе эпохи феодализма может служить в качестве иллюстрации книга проф. А. Кадлубовского «Очерки по истории древнерусской литературы житий святых». Задача данного исследования весьма скромная: автор имеет намерение «посвятить свою работу дополнению прежних исследований, иногда исправлению их выводов...» (см. предисловие, стр. IX). Но идеологическое значение этой книги значительно шире: автор является проводником официального клерикализма как одного из основных элементов ведущей, применительно к эпохе, буржуазной идеологии. На стр. 170—171 своего исследования автор сам заявляет о целеустремленности своей работы: «Я должен добавить еще одно замечание: главным образом, я касаюсь житий преподобных иноков, отчасти святителей: это преобладающие жития в древней Руси, а в данную эпоху — в особенности. Потому те добродетели, которые изображаются в житиях и рекомендуются, как предмет подражания, — добродетели иноческие; иночество являлось основным идеалом, святой подвижник высшим образцом. Эти именно жития содержат интересные меня характерные черты...».

Автора интересует, как и его единомышленников по сравнительному методу, литературная история памятников агиографии, а эту проблему возможно разрешить, с точки зрения адептов сравнительного метода, только анализом влияний на изучаемые памятники. Не случайно звучит брошенная Кадлубовским реплика, касающаяся агиографических работ Пахомия Логофета, что только влияниями источников можно объяснить разницу между житиями, написанными этим автором (стр. 188).

Обращает на себя внимание по своей элементарной неубедительности прием, с помощью которого автор докапывается до оригинала, своего рода предка изучаемого агиографического памятника. Сущность этого приема заключается в следующем: автор подыскивает аналогичные факты в биографиях святых, при этом устанавливает частые совпадения и в одинаковости их имен: так житие Авраамия Ростовского имеет своим «предком»-источником житие Авраамия Затворника по той причине, что оба пострадали от козней дьявола (39 стр.).

В сказании о Меркурии Смоленском содержание заимствовано из греческой легенды о Меркурии Кесарийском вследствие того, что оба героя носят одно имя, оба воины, оба защищают город от врага.

Житие Никиты-перемыславльского столпника содержанием своим покоится на базе своего источника: житии Никиты-великомученика, по той причине, что оба они демоноборцы и защитники от бесов, что их и сблизило в народном представлении. Исторический момент в работе ограничивается анализом приурочения заимствованного сюжета к русской исторической обстановке.

Выводы автора в части исторической шире фактических результатов его исследования. Кадлубовский отмечает, что в некоторых житиях имеется: «признание связи с земною властью, служение ей; в частности благоговение перед слагающейся властью Московского государя; в других... сохранение независимости от нее в делах веры и нравственности» (стр. 328). Короче и точнее, первые представители церкви были идеологами государственной власти, вторые — ее классовыми противниками. В качестве конкретных фактов автор останавливается на политической, по существу, борьбе между «иосифлянами» с Иосифом Волоцким во главе и «заволжскими старцами» во главе с Нилом Сорским.

Совершенно ясно автор определяет идеологические позиции «иосифлян»: «крепкая связь с великим князем и преданность его власти является одною из видных особенностей в деятельности иосифлян; они пользуются услугами светской власти и в свою очередь служат этой последней, подчиня ей церковь и церковные дела...» (стр. 332). Но автор расценивает эту борьбу «иосифлян» с «заволжскими старцами», как «два течения или две школы, которые расходились во взглядах на задачи и сущность» нравственно-религиозной жизни. Таким образом политическое значение этой борьбы совершенно обойдено молчанием, как и в известной работе о Ниле Сорском проф. А. С. Архангельского, где увлечение сравнительным методом привело автора к выводу, что Нил Сорский стоял совершенно изолированно от русской жизни. Достаточно заметить, что к идеологическим позициям «заволжских старцев» примыкал такой феодальный вотчинник, идеолог старого боярства, а поэтому враг поместного и служилого дворянства, как кн. Андрей Курбский, чтобы опрокинуть указанный вывод проф. Архангельского. Здесь же следует вспомнить ныне уже значительно устаревшее «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого» — И. Хруцова, который пишет в конце своей работы: «спустя 50 лет по смерти Иосифа, поднялся голос на презлых Иосифлян — то был голос боярина, кн. Курбского. Отзывы его».

о Иосифлянах проливают свет на отношения Иосифа к старому боярскому порядку» (стр. 254). В предисловии Хрущов пишет: «Его (Иосифа В.) политические взгляды имели сильное влияние на Великого князя Василия Ивановича. На взглядах этих воспитался Грозный» (стр. VII). Хрущов также не делает никаких политических выводов, но для нас совершенно ясно, что борьба «иосифлян» с «заволжскими старцами» — это борьба классовая за ведущую роль в государстве между боярами-феодалами и нарождавшимся поместно-служилым дворянством.

Исследованию Кадлубовского о «житиях» методологически родственна монография проф. Д. И. Абрамовича — «Исследование о Киево-Печерском Патерике, как историко-литературном памятнике». Главнейшей частью исследования является глава — V. «О литературных источниках Печерского Патерика». «Как известно, — пишет Абрамович, — древнерусская оригинальная литература сложилась под сильным влиянием переводной, главным образом, — греческой. Не представляет исключения и наша агиография...» Техника исследовательской работы в системе сравнительного метода у Абрамовича стоит несколько выше, чем у Кадлубовского, и сущность ее состоит в следующем: исследуемое житие преподобного Феодосия Печерского разбивается на основные его составляющие темы, располагаемые в последовательном порядке. К этим темам подыскиваются аналогичные — в переводных житиях. Приведем иллюстрации.

I. «Приступая к самому повествованию, в заключение вступительной части, — пишет Абрамович, — Нестор обращается с молитвой к богу, как помощнику «всем оуповающим...» — дальше следует текст темы, — после чего указываются источники, где эта тема фигурирует: «подобного (как по содержанию, так и по форме) рода вступлениями предваряют свои жизнеописания — св. Кирилл Скифопольский, Палладий, Афанасий Александрийский и др.» — утверждает Абрамович и свою аргументацию подкрепляет аналогичными текстами из житий указанных им святых.

II. «Сведения о жизни и подвигах преподобного Феодосия Печерского Нестор почерпал из рассказов других, например келаря Феодора и инок Лариона.

На основании таких же источников составляли жития святых Кирилл Скифопольский, Иоанн Мосх и др. — утверждает дальше Абрамович, сопровождая свою аргументацию сравнением аналогичных текстов. И так продолжается до последней темы о кончине преподобного Феодосия: «последние дни жизни преподобного Феодосия описываются Нестором в таких чертах, в каких Кирилл Скифопольский описал кончину Евфимия Великого».

Этим дело не ограничивается: в последующем изложении приводятся сравнительные тексты «Послания Симона» и «Паренесиса» Ефрема Сирина и др. Все завершается перечислением источников Печерского Патерика, найденных в процессе анализа памятника.

Нетрудно убедиться, что исследовательский процесс Абрамовича насквозь субъективен; сравнительный метод как система исследовательской работы в его монографии представлен весьма обнаженным, доведенным до крайних границ сравнительного примитивизма. Последняя часть работы Абрамовича «Печерский Патерик, как исторический источник» — находится в полной изоляции от сравнительной части монографии и состоит в утверждении, что в Печерском Патерике «в разных местах найдем не мало и таких черт, которые характеризуют свою эпоху и в бытовом, и в политическом, и в общественных отношениях»; но эти бытовые, политические и общественные отношения не найдены в исследовании Абрамовича, поэтому данное утверждение автора не имеет никакого научного значения.

Сравнительный метод в исследовательской практике благополучно дожил до наших дней. Такова общая картина применения сравнительного метода в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма.

IV

Приведенный методологический анализ ряда исследований о русской литературе эпохи феодализма дает право утверждать, исходя из положений марксизма-ленинизма, изложенных в начале данной статьи, что сравнительный метод, по ленинскому определению методов, метод — метафизический, характерный своей статичностью и обособленностью от других явлений исторического процесса, что сильно колеблет его научную ценность и делает последнюю в его системе весьма сомнительной. Но это не означает того, что мы должны совершенно отказаться от историко-литературного наследства; это означает то, что мы должны проработать его критически, проверить его на процессе классовой борьбы и сделать иные выводы, которые буржуазные ученые сделать не могли. В этом отношении следует помнить ленинский завет о культурном наследстве прошлого: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам этой задачи не разрешить» («Задачи союзов молодежи»; см. В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. XXV, стр. 387).

Такой переработке мы и подвергаем здесь теорию и практику сравнительного метода в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма.

Сравнение, не как система, а как проблема рабочего приема в системе марксистско-ленинского литературоведения, а конкретнее, со стороны тематической, как проблема влияний, должна стоять на «повестке» сегодняшнего дня в науке о литературе» в целях ее хотя бы общей постановки и столь же пока общего разрешения. «Для того, чтобы познать известную историческую эпоху, — пишет Маркс, — мы должны выйти за ее границы и сравнить ее с другими эпохами» («Secret diplomatic history»; см. К. Маркс, Отрывки из произведений и писем. Собраны Фр. Дидерих, 1925, стр. 175). Делать это нужно потому, что всякое настоящее есть «продукт предшествующей деятельности».

Основой истории являются производительные силы, как «результат практической энергии людей, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существующей раньше, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений», — писал Маркс П. В. Анпенкову в декабре 1846 г. (Письма, стр. 13), и это может служить прекрасным комментарием к предыдущему высказыванию Маркса о сравнении исторических эпох. Прошлое оседает пластами, конденсируется в традициях, живущих в веках и оказывающих действие, хотя и незначительное, на развитие исторического процесса, о чем писал Энгельс Иосифу Блоху 21 IX 1890, что в истории «даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую» (Письма, стр. 375).

Историческое влияние прошлого на настоящее утверждается Марксом в уже упомянутом выше его письме к П. В. Анпенкову: «Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того, чтобы не лишиться достигнутого результата, для того, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные (traditionnelles) общественные формы в тот момент, когда способ их общения (commerce) более уже не соответствует приобретенным производительным силам» (Письма, стр. 13—14). В этом высказывании о влиянии исторического прошлого на настоящее заключается чрезвычайно важный момент, а именно: влияние исторического прошлого не воспринимается, точнее, не отражается в сознании представителей настоящего с фотографической точностью, а идеологически переосмысливается, переключаясь в иную общественную формацию, в полной гармонии с состоянием производительных сил на данном историческом отрезке времени. Это необходимо иметь в виду при разрешении про-

блемы влияний на литературном материале, что совершенно не принималось во внимание представителями сравнительного метода, но к этому вопросу мы еще вернемся ниже.

В предисловии к первому изданию «Капитала» (т. I, стр. XXXII—XXXIII, изд. 6, 1930), Маркс выдвигает, по существу, проблему влияний: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»... В полном согласии с этим положением сильно звучит убеждающий аргумент Маркса несколько дальше в том же предисловии к «Капиталу»: «Всякая нация может и должна учиться у других».

Проблеме влияний Маркс придает прогрессивное значение: «общество... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов». Так как это положение следует в «предисловии» сейчас же за предыдущим, то естественно, что именно влиянию одной страны на другую придается Марксом прогрессивное значение. Проблеме влияний Маркс придает чрезвычайно широкое значение, распространяющееся на различные сферы творческой деятельности классового человека, в развитии идеологии которого традиции и пережитки, переданные от предшествующих эпох, играют большую активную роль: «Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром на умах живых», — пишет Маркс. Это имеет место даже и в периоды революции — «когда люди повидимому только и заняты тем, что переделывают себя и окружающее, создают нечто совершенно небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном веками одеянии, этим заимствованным у предков языком разыграть новое действие на всемирно-исторической сцене» (К. Маркс. «18-е брюмера...»; Соч., т. VIII, стр. 323). Такова роль традиций в историческом процессе, что имеет непосредственное отношение к проблеме влияний.

* Утверждение проблемы влияний находим и у Ленина; так, касаясь вопроса о борьбе с оппортунизмом, Ленин пишет: «Физические лица „умирают“ так называемой естественной смертью, но идейно-политические течения так умирать не могут. Как буржуазия не умрет, пока ее не свергнут, так течение, питаемое и поддерживаемое буржуазией, выражающее интересы вступившей в союз с буржуазией группы интеллигентов и аристократии рабочего класса, не умрет, если его не „убить“, т. е. не свергнуть, не лишить всякого влияния на социалистический пролетариат»

(«Честный голос французского социалиста»; Соч., т. XVIII, изд. 3, стр. 287. Разрядка В. И. Ленина). В своей речи «Успехи и трудности Советской власти» Ленин говорил о влиянии политики прошлого и старой буржуазной культуры на эту интеллигенцию и аристократию рабочего класса: «Культурные люди поддаются политике и влиянию буржуазии потому, что они восприняли всю свою культуру от буржуазной обстановки и через нее» (Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 17).

Непреложной аксиомой марксизма является утверждение, что классовые идеологии вырастают на базе развития производительных сил общества, но между ними существует взаимовлияние, о чем писал Энгельс в письме к Штаркенбургу (1894): «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом. Но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу» (Письма, стр. 40). В письме к К. Шмидту (1890) Энгельс касается той же проблемы влияний, конкретно говоря о философии: «Философия каждой эпохи, — пишет он, — располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками, и из которого она исходит» (Письма, стр. 384).

Приведенных высказываний Маркса, Энгельса и Ленина о проблеме влияний достаточно для того, чтобы утвердить научную непреложность этой проблемы в развитии исторического процесса, а следовательно и литературного. Подобно тому, как писал Энгельс к К. Шмидту (1890), что «Всю историю надо изучать сызнова», так и проблема влияний должна быть поставлена заново в полном соответствии с принципами марксистско-ленинского литературоведения.

Но, включая проблему влияний в систему марксистско-ленинского литературоведения, мы должны еще обусловить ее пребывание здесь рядом конкретных материалистических положений. Прежде всего необходимо помнить при разрешении проблемы влияний диалектическое взаимодействие между материальным и духовным, где первое является базой для последнего, — между состоянием производительных сил и обменом через влияние из опыта различных сфер культуры. Маркс в «Теории прибавочной ценности» (вып. 1, изд. «Прибой», 1923, стр. 250) указывает на это взаимодействие материального и духовного производства: «Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать это последнее не как общую категорию, а в его отдельной исторической форме. Так, например, капитализму соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу произ-

водства... данной формой материального производства обуславливается, во-первых, определенный строй общества, во-вторых, определенное отношение человека к природе. Тем и другим определяется его государственный строй, его мирозерцание, а, следовательно, и характер его духовного производства...» Это исходное методологическое положение в вопросе разрешения проблемы влияний.

Обыкновенно буржуазные ученые всегда выдвигают в качестве «железного» аргумента свой объективизм в исследовании исторического процесса, в который включается и развитие литературы. Но этот объективизм ни в какой мере не является спасательной станцией для адептов «чистой» науки. По этому вопросу Ленин пишет: «Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях“; материалист говорит о том классе, который „заведует“ данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов... Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественная формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость» («Экономическое содержание народничества». Соч., т. I, изд. 3, стр. 276. Разрядка В. И. Ленина). «Объективизм» буржуазных ученых, как тенденция, проводится во всех исследованиях о русской литературе эпохи феодализма, но он парализуется указанным Марксом взаимодействием материального и духовного производства и суждением Ленина по этому вопросу.

В художественной литературе совершенно бесспорным явлением было и будет влияние как целых литературных направлений (классицизма, романтизма, реализма, символизма и т. д.), так и одних авторов на других. Энгельс в статье «Ретроградные знамена времени» устанавливает влияние Гегеля на немецких писателей Мундта и Кюне; в статье «Карл Бек» Энгельс утверждает влияние Кюне на поэта Карла Бека. Маркс и Энгельс устанавливают в своих отзывах о трагедии Лассалья «Франц фон-Зикинген» влияние Шиллера на названную трагедию Лассалья и рекомендуют последнему предпочесть «путь Шекспира». Ф. Меринг в своей книге «Легенда о Лессинге» говорит о влияниях Ричардсона, Лилло, Шекспира и др. на творчество Лессинга. Часто сами писатели указывают источники своих произведений (Вяземский, Пушкин, Брюсов и др.). Всем известен так называемый французский классицизм, канонизованный Буало, и его влияние на западноевропейские литературы и на русскую литературу XVIII в. в особенности. Все это непреложные факты. Перед наукой о литературе стоят задачи генетики этих фактов, их роли в организации классовых идеологий, значение их в процессе классовой борьбы и переделке классового человека.

До сих пор «проблема влияний», по существу, не ставилась к разрешению в свете указанных задач. Историографически проблема влияний прошла следующие фазы своего развития: мифологическую (Буслаев, Афанасьев), сравнительно-историческую, расширившую орбиту влияний до интернационального значения (Александр Н. Веселовский), культурно-историческую (Пыпин, Алексей Н. Веселовский, Дашкевич), психологическую (Гершензон), просто буквалистическую (Нейман, Родзевич) и формалистическую (Жирмунский, Томашевский). Все эти фазы своими истоками и базой имеют буржуазную идеологию.

Марксистско-ленинское литературоведение, включая проблему влияний в свою систему, ставит перед исследователями задачи объяснения всяких влияний законами диалектического материализма. Несомненно, что проблема влияний имеет большое значение в образовании творческого метода отдельных писателей и организации таких литературных потоков, как художественно-литературные стили. Имея в виду, что национальные перегородки между отдельными государствами разрушаются наличием в них однородных общественных классов (в наше время — пролетариата и буржуазии), мы не можем говорить о национальной замкнутости художественной литературы той или иной страны и в противоположность этому должны допустить признание интернационального значения классовой художественной литературы (литература пролетариата, литература буржуазии). Только в такой постановке проблема иностранных влияний становится проблемой большой важности, так как она не просто констатирует факты влияний в литературе отдельных стран, но вскрывает однородность политических устремлений одних и тех же общественных классов в конкретные этапы исторического процесса, устанавливает смыкание фронтов классовой борьбы у однородных общественных классов различных стран, указывает на обмен политического опыта между отдельными общественными классами различных стран и государств. Этим, конечно, далеко не исчерпывается содержание проблемы иностранных влияний.

Элементом, изолирующим национальные литературы, служит не существование какой-то особой национальной идеологии, которая в действительности всегда была лишь идеологией ведущего класса, а наличие разных языков, затрудняющих литературное общение между отдельными странами и государствами. Поэтому-то в проблеме иностранных литературных влияний мы должны различать две стороны: влияние оригинальной иностранной литературы на русскую литературу, влияние переводной иностранной литературы на русскую литературу.

До сих пор переводной литературе не уделялось исследователями должного внимания, а между тем социальное значение этой литературы громадное: через нее общаются однородные общественные классы различных стран, через нее смыкают они единый идеологический фронт классовой борьбы, через нее идеологически они разоружают своих классовых врагов. А вследствие этого и переводчики становятся в литературные ряды организаторов классовых художественно-литературных стилей.

Проблема иностранных влияний, детерминированная общностью классовых интересов, обусловлена еще и рядом других закономерностей. Плеханов, развивая мысли Маркса о прогрессивном значении влияний, изложенных в предисловии к первому изданию «Капитала», пишет в своей работе — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (изд. 1919 г., стр. 155): «влияние литературы одной страны на литературу другой прямо пропорционально сходству общественных отношений этих стран. Оно совсем не существует, когда это сходство равняется нулю. Пример: африканские негры до сих пор не испытали на себе ни малейшего влияния европейских литератур. Это влияние односторонне, когда один народ по своей отсталости не может ничего дать другому ни в смысле формы, ни в смысле содержания. Пример: французская литература прошлого века (XVIII в.), влияя на русскую литературу, не испытывала на себе ни малейшего русского влияния. Наконец, это влияние взаимно, когда вследствие сродства общественного быта, а, следовательно, и культурного развития, каждый из двух обменивающихся народов может что-нибудь заимствовать у другого. Пример: французская литература, влияя на английскую, в свою очередь, испытывала на себе ее влияние». «Можно без преувеличения сказать, — пишет дальше Плеханов, — что мы ничего не поймем в этом развитии, не приняв в соображение классовой борьбы».

Наряду с общностью классовых интересов и социальной закономерностью иностранных литературных влияний, сформулированной Плехановым, следует иметь в виду конкретный исторический момент и столь же конкретные черты классовой жизни различных стран и государств, которые могут быть одинаковыми, а часто и различными, что в последнем случае вносит диссонансы в отношения однородных общественных классов различных стран и государств и что, в свою очередь, не может не отразиться на разрешении проблемы иностранных литературных влияний. Иностранные литературные влияния всегда крепко связаны с соответственными политическими влияниями и подчинены им, так как те и другие вызываются в жизнь конкретными этапами классовой борьбы.

Главнейшим элементом содержания проблемы иностранных влияний может быть признано стремление конкретного общественного класса к созданию своей классовой литературы в целях идеологического воздействия на другие классы и укрепления своих классовых позиций. В этих устремлениях писатели, идеологи данного класса, часто обращают взоры за пределы своей страны, к творчеству писателей, идеологов того же общественного класса, но уже другой страны, политический опыт который богаче их страны и их класса.

О необходимости использования политического опыта других стран — писал и Ленин в 1899 г. («Наша ближайшая задача»): «История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения — таков тот материал, которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии». Но это заимствование политического опыта должно быть переосмыслено вследствие разнородных условий исторического момента — на что и указывает в той же статье Ленин: «„Обработка“ этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде: с одной стороны, русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западноевропейское...» (Соч., т. II, изд. 3, стр. 497).

Применительно к художественной литературе об этом в свое время писал Фриче: «Новый класс, строящий свою поэзию, заимствует известные стилевые и жанровые образования у того же класса другой страны в настоящем или даже в отдаленном прошлом, там, где этот класс раньше успел экономически и социально, и следовательно, и культурно конструироваться. Это в тех случаях, когда этот класс у себя в прошлом в виду тогдашней своей недостаточной оформленности или недостаточной культурности не смог выработать достаточно совершенных стилей и жанров. Так, когда в Западной Европе, начиная с эпохи Возрождения и до Великой французской революции, стала складываться торговая буржуазия, то она, не имея у себя в прошлом своей высокой культуры, формировала свой стиль (менявшийся с веками) и свой жанр наподобие стилей и жанров античной древности (классического периода), когда античная древность покоилась на тех же экономических и классовых основах торгового капитала» («Проблемы искусствоведения», стр. 108—109).

Но, разумеется, буржуазные западноевропейские писатели заимствовали у своих учителей, писателей античной древности, только то, что отвечало задачам, поставленным перед ними их классом; этими задачами детер-

минировался отбор заимствуемого материала; здесь действует закон единства идеи и явления. Ориентация буржуазных писателей Запада указанной у Фриче эпохи на античных писателей древности определяла до некоторой степени их творческие методы и стиль, как их синтез в пределах конкретного класса.

Но разные условия общественной жизни в странах — влияющей и отражающей это влияние — заставляют последнюю в лице представителей конкретных общественных классов переосмыслить отражение влияния литературы как родственных, так и враждебных классов другой страны соответственно задачам, поставленным перед ними их классами. Короче — заимствованные идеи вообще закономерно искажаются в другой исторической обстановке. Маркс писал по этому поводу в «Коммунистическом Манифесте»: «Социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под давлением господства буржуазии и служившая литературным выражением борьбы против этого господства, проникла в Германию в то время, когда тамошняя буржуазия только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма. Немецкие философы, полуфилософы и беллетристы с жадностью набросились на эту литературу. Они забыли только, что французские условия жизни не были перенесены в Германию вместе с французской литературой: в общественных условиях тогдашней Германии эта французская литература лишилась всякого непосредственного практического значения и приняла характер простого литературного течения... Так для немецких философов XVIII в. требования первой французской революции имели смысл лишь как требования „практического разума“, волеизъявления революционной французской буржуазии представлялись им законами „чистой воли“, как она должна быть, — истинно человеческой воли... Это усвоение совершалось таким же путем, каким происходит усвоение иностранного языка, т. е. посредством перевода» (Коммунист. Манифест, изд. 6, ГИЗ, М.—Л., 1930, стр. 72). Механистическому констатированию заимствований и влияний должны быть отрезаны все пути вследствие того, что такое констатирование исторично и субъективно.

В качестве образцового примера можно привести один из эпизодов борьбы Ленина с вождем неонародничества Михайловским, который писал: «Задача наша не в том, чтобы вырастить непременно „самобытную“ цивилизацию из собственных национальных недр, но и не в том, чтобы перенести на себя западную цивилизацию целиком со всеми раздирающими ее противоречиями: надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического удобства». Ленин по этому вопросу замечает: «И в самом деле, как это просто! Хоро-

шее „брать“ отовсюду — и дело в шляпе! От средневековых форм „взять“ принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм „взять“ свободу, равенство, просвещение, культуру... Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони... Философ этот чисто метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений — принадлежность земли землевладельцу в средневековых формах — и думает, что его можно точно также пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое» («Что такое друзья народа». Соч., т. I, изд. 3, стр. 101).

Историко-материалистическое истолкование проблемы влияний соответственно исторической обстановке дает Ф. Меринг в своей книге «Легенда о Лессинге»; вот как он объясняет различные литературные влияния на Лессинга: «Только при свете научного познания, которое дает материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса, можно понять, почему Лессинг, этот первый писатель буржуазии, выработал себе собственную точку зрения при помощи английской, и при том современной ему литературы. Это случилось потому, что буржуазные классы в Германии не были еще настолько развиты, чтобы дать материал для литературы, в чем должен был сознаться Лессинг в зрелом возрасте, критикуя свою собственную юношескую поэзию. Он должен был обратиться к заграничному образцу и нашел его именно в Англии, где литература и жизнь буржуазных классов достигла сравнительно большого развития. Поэтому-то он заимствовал главную мысль своего первого поэтического произведения „Мисс Сарра Сампсон“ из буржуазного романа Ричардсона, частью из буржуазной драмы Лилло; к Шекспиру он пришел только в конце и не вследствие ошибок эстетического вкуса, а потому, что Шекспир по своему социальному положению артиста и драматурга той эпохи, когда театр жестоко преследовался буржуазными классами, чрезвычайно мало церемонился с представителями этих классов» (изд. «Знание», СПб., 1907, стр. 31).

Таким образом переосмысление влияний всегда происходило в зависимости от политических задач, поставленных тем или другим общественным классом перед их идеологами-писателями, и всей совокупности социальной обстановки конкретного исторического этапа.

Включая проблему влияний в систему марксистско-ленинского литературоведения, мы должны, следовательно, категорически отказаться от традиционного историко-литературного понимания этой проблемы.

Все вышеизложенное утверждает законность включения проблемы влияний в марксистско-ленинское литературоведение, но здесь же необходимо предупредить, что не следует переоценивать значение проблемы влияний, а напротив следует относиться к ней с чрезвычайной осторожностью, помня, что сходство в творчестве писателей часто представляет собой не влияние одного писателя на другого, а следствие однородности их классового бытия, сходных социальных условий соответственного исторического момента и т. д., что и является, по существу, основной причиной сходства в творчестве различных писателей. Здесь следует вспомнить требования Маркса, предъявляемые к исследованию вообще: «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение» («Капитал», т. I, предисл., стр. XL, по 6-му изд. 1930 г.). Такого рода серьезный и глубокий подход к исследованию изучаемых явлений, конечно, предохраняет исследователя от ошибок и случайных увлечений, скажем, проблемой влияний.

В данном методологическом этюде мы стремились разрешить лишь основные моменты «проблемы влияний» в связи с критикой традиционного сравнительного метода в исследованиях по русской литературе эпохи феодализма. Наши построения вследствие новизны вопроса неизбежно схематичны и местами абстрактны, поскольку они идут мимо конкретного литературного материала, но истоки наших построений находятся в марксизме-ленинизме, что утверждает их значимость для новой постановки проблемы влияний.

На очереди стоит дальнейшая проработка проблемы влияний — как теоретическая, так и практическая, на конкретном исследовании литературного материала; последней следует придать преимущественное значение, так как, по выражению Ленина, — «От субъективной идеи человек идет к объективной истине через практику» (Ленинский сб., IX, стр. 237).
